

Владимир Корн
Опасные небеса
Серия «Люкануэль Сорингер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8321172
Опасные небеса: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085905-4

Аннотация

Любой человек, избравший судьбу небесного парителя, знает: вряд ли на свете найдется более опасная профессия. Но когда свежий ветер наполняет паруса, земная твердь остается далеко внизу, а впереди, насколько хватает взора, лишь безграничная ширь небес, никто из команды вольного корабля «Небесный странник» не мыслит для себя иной доли. Даже когда судьба сталкивает капитана Сорингера и его друзей с таинственным черным кораблем, прозванным «Ночной убийца»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Корн

Опасные небеса

Фантастический роман

Глава 1

Энстадская бездна

– А-а-а, капитан Сорингер! – протянул человек за уставленным бутылками всевозможных цветов и форм столом. – Проходите, присаживайтесь. Что предпочтете: ром, вино, граппу? Или, быть может, вот этот чудный кальвадос?

И он звонко щелкнул ногтем указательного пальца по бутылке голубоватого стекла с необычно длинным горлышком.

Человек был пьян, пьян, что называется мертвецки, когда в любой момент можно уткнуться лбом в стол и забыться до утра. И тем удивительнее казался его голос – он звучал трезво. И еще взгляд: не мутный, не на грани пьяного безумия. Казалось, он пронизывает насквозь, и от него не удастся скрыть даже самой потаенной мысли.

Пожав плечами, я уселся за стол, поерзал, устраиваясь удобнее, и, ни мгновения не колеблясь в выборе, плеснул себе в высокий, расширяющийся кверху тюльпаном бокал итайского рома. Щедро так плеснул, наполнив его до половины.

– Ваше здоровье, господин Брендос.

Глоток я сделал весьма скупой, только-только чтобы почувствовать далеко не самый плохой вкус этого сорта рома, возможно, даже лучшего из всех существующих. И не потому, что я не желал своему навигатору здоровья, нет. Оставалось еще несколько важных дел, требующих внимания именно сегодня, и именно на трезвую голову.

Брендос кивнул и неожиданно произнес:

Все тревоги, горести, запреты
Тихо тонут в сладости вина.
Не тревожь меня – я знаю все ответы,
Жизнь прекрасна и душа полна.

«Достоверности ради, тонут они на сей раз не в вине, а в граппе, – наблюдал я за тем, как навигатор вливает в себя содержимое бокала. – Причем граппе настолько крепкой, что даже удивительно, как Рианель, при его вкусе, воспитании, привычках, смог на такое сподобиться. Хотя что тут удивительного...»

– Нет, какая женщина! – восхищенно произнес он. – Какая женщина!

«Эка его! И кто бы мог такое подумать?! – ошеломленно думал я, исподтишка наблюдая за навигатором. – Вот же его угораздило!»

До недавних пор – да чего там! – буквально до вчерашнего вечера, мне казалось, что Рианель Брендос неспособен на такие глубокие чувства, как любовь.

Все случилось именно вчера, на званом вечере в доме господина Агориса Хиериниуса, губернатора острова Энстад, куда мы прибыли после поспешного бегства из Эгастера.

Первоначально визит на остров нами не планировался, все-таки Энстад лежал в стороне от архипелага Габстела, или Островов, куда мы и направлялись, но когда сопровождающий груз господин с труднопроизносимым именем Каилюайль Фамагосечесийт, ничего не

имеющий против, когда его величают просто «Кайль», попросил сделать небольшой крюк, я даже немного обрадовался.

Благодаря визиту на Энстад я получал небольшую отсрочку. Сейчас она была кстати, поскольку я был уверен – после того, что произошло в Эгастере, Коллегия в покое меня не оставит. Ну а выяснить, что «Небесный странник» отправился именно на Острова, ей не составит абсолютно никакого труда: Коллегия – организация могущественная, и в родном мне герцогстве, и даже далеко за его пределами.

– Скажите, Сорингер, видели ли вы когда-либо женщину прекраснее Гармелинты? – неожиданно спросил Брендос, оторвавшись от созерцания ночи за огромными витражными окнами особняка губернатора Энстада господина Хиериниуса. Вероятно, ответа от меня никто не ждал, поскольку почти сразу же я услышал: – Вот и я не видел!

И хвала Создателю, что не ждал, поскольку поставил бы меня в весьма неловкое положение: по моему глубокому убеждению, самая красивая женщина на целом свете – Софи-Дениз-Мариэль-Николь-Доминика Соланж – моя возлюбленная.

И потому мне пришлось бы промолчать, поскольку солгать этому человеку, даже видя его состояние, я бы не смог.

Повторюсь, попали мы на остров Энстад случайно, и как выяснилось, на беду навигатора Рианеля Брендоса, если можно назвать бедой безответную любовь. Сразу после бегства из Эгастера мы легли курсом на главный город архипелага Монтосел, расположенный на самом большом его острове – Багряном. Удивляться такому названию не стоит: девять островов из десяти носят названия оттенков цветов, и с этим связана особая история, рассказанная мне прямым потомком первооткрывателя архипелага, но о ней как-нибудь позже.

Уходя от предполагаемой погони, мы неслись над Коралловым морем под всеми парусами. Ближе к обеду показался господин Кайль. Позевывая, он неспешно поднялся на мостик, поежился от пронизывающего ветерка. Завидя по правому борту пики далеких гор, поинтересовался:

– А что это за земля, там, почти на горизонте?

Навигатор Брендос, незадолго до этого отложивший астрольбию и только что закончивший расчеты, указал кончиком остро отточенного карандаша в точку на карте:

– Мы находимся вот здесь, господин Каиллюайль Фамагосечесийт. А земля, которую вы наблюдаете – остров Энстад.

Я насторожился: как отреагирует этот человек с труднопроизносимым именем, ведь точка, указанная навигатором, лежала немного в стороне от проложенного курса? Не станет ли он возмущаться задержкой в пути? Напротив, Кайль даже обрадовался:

– Капитан Сорингер, так может быть, у нас есть возможность побывать на Энстаде? Не настолько наш груз и срочный, чтобы задержка в два-три дня привела бы его в полную негодность.

И действительно, что может произойти с мачете, наконечниками для копий и тому подобным грузом, покоящимся в единственном трюме «Небесного странника»?

– Понимаете ли, в чем дело, – пустился в объяснения торговец. – Что самое важное для любого купца? – задал он вопрос. После чего сам же и ответил: – Самое важное для любого купца, – и тон у него был если не назидательным, то что-то вроде того, – это умение держать слово. Держать несмотря ни на что.

Я пожал плечами: «Наверное, и для всех остальных это не менее важно».

– Так вот, среди моих знакомых имеется и такой, для которого любые слова не более чем сотрясение воздуха. Его-то я и хотел бы увидеть, поскольку мне известно – он находится сейчас как раз на Энстаде. И если у нас есть такая возможность...

– Хорошо, господин Кайль, – после секундного раздумья решил я. – До архипелага почти две недели полета, так что небольшой отдых на земле не будет лишним.

* * *

Остров Энстад, расположенный в нескольких днях лёта от побережья Эгастера, особенно крупными размерами не отличается. Так, весьма средней величины, к тому же в стороне от оживленных небесных путей. Именно небесных, поскольку Коралловое море название свое носит по праву. И если в северной части моря судоходство еще осуществимо, то ближе к Энстаду морем его назвать можно лишь с большой натяжкой: оно просто кишит бесчисленными островками, атоллами, банками и отмелями. Но и в проливах между ними глубокой воды не дождешься – так, курица колен не замочит. Мелким это море остается вплоть до самого своего южного побережья, там, где оно упирается в материк, носящий название Альвенда, так что пересечь бо́льшую часть его получится только по воздуху.

На самом острове всего три поселения, и самое крупное из них тоже имеет название Энстад.

Гости вроде нас явление на острове достаточно редкое, и потому, едва я успел приземлиться «Небесный странник», к нам на борт явился человек с приглашением посетить дом Агориса Хиериниуса, местного губернатора. К тому же выяснилось, что именно сегодня он дает бал.

Балом событие назвать было трудно, все-таки Энстад – дыра еще та, и все же вечер прошел на удивление весело.

Музыка, танцы, великолепный стол... Особенно меня впечатлила скобянка из трепанга под местное вино, оказавшееся весьма недурственным. Ну и гостеприимный хозяин – губернатор Хиериниус, к моему удивлению, выглядевший ненамного старше меня, а ведь мне еще и четверти века не стукнуло.

Все прошло бы замечательно, если бы не два, вернее, как выяснилось позже, три момента. На один из них внимания можно было бы и не обращать, признаться, к таким вещам я почти привык: один из гостей дома Хиериниуса, кстати, изрядно подвыпивший, довольно пренебрежительно назвал мой «Небесный странник» скорлупкой.

– Видал я летучие корабли и в два, а то и в три раза больше, – разглагольствовал он, как будто мне самому видеть их не приходилось.

Причем не только видеть, но и летать на них, и даже спасти один из таких гигантов, что, наверное, приди кому-нибудь в голову посадить его на остров, как раз половину территории он и занял бы. Конечно же, я преувеличиваю, но это не значит, что я должен выслушивать этого типа, как выяснилось с его же слов, всю жизнь прошедшего на Энстаде и носа с него не высовывавшего. Откровенно говоря, очень хотелось завести его в темный уголок и от души приложить кулаком по тому внутреннему органу в правом подреберье, о состоянии которого, судя по сизому носу, он совершенно не заботится.

Спас меня Кайль, заявившийся с самым довольным выражением лица ближе к середине вечера. Завидя мою кислую физиономию, он довольно бесцеремонно подхватил моего назойливого собеседника под локоть и едва ли не насильно куда-то увел.

Откровенно говоря, кислым лицо у меня было не только из-за разговора с этим, как выяснилось, собирателем трепангов, чей вкус я нашел отменным, имелась и другая причина. Николь надела то самое платье, в котором я и повстречал ее в Эгастере, и которое она не успела продемонстрировать на вечере в доме тамошнего бургомистра. Так вот, платье само по себе красивое, и очень ей идет, но длина подола, согласно недавней столичной моде, едва достигает щиколоток.

Поначалу я опасался, что наряд Николь вызовет у присутствующих на вечере следующую реакцию: «Мол, что они себе позволяют в этих столицах, и куда вообще катится мир?!»

Но нет, дамы явно прикидывали – как подобное одеяние смотрелось бы на них, ну а мужчины, естественно, интерес проявляли к другому.

Николь и в безобразном просторном балахоне выглядит так, что мужчины оглядываются ей вслеп, а уж сейчас!.. Когда в перерыве перед очередным туром Николь подошла ко мне и спросила: «Милый, и чего это у тебя такой кислый вид, когда так весело?» – я долго соображал, как бы ответить так, чтобы не испортить ей настроение. А когда, наконец, собрался с мыслями, она уже была приглашена очередным кавалером, напоследок показав мне язык.

В тот момент, когда я в очередной раз проклинал себя, что принял решение завернуть на остров, где кроме трепангов и вина ничего хорошего нет, и произошло то событие, после которого на следующее утро я застал своего навигатора в таком состоянии.

В залу вошла одетая во все черное дама. Она была стройна, молода, красива, и даже траурный наряд очень ей шел. Сначала ее лицо мне показалось знакомым, но приглядевшись, я понял, что ошибаюсь. Вероятно, это произошло потому, что выглядела она как уроженка юга герцогства, откуда я родом. Не сказать, что мы отличаемся чем-то особенным от остальных жителей герцогства, и все же смуглость кожи, темный цвет волос и глаз распространены на юге настолько, что крайне редко можно увидеть другие типажи, разве что рыжие тоже попадаются. И еще уроженцам юга герцогства присуща некоторая сухопарость, толстяки в наших местах явление редкое.

Рианель Брендос в это время находился в окружении нескольких мужчин почтенного возраста и что-то им вещал с обычным своим невозмутимым выражением лица. Вероятно, что-то очень интересное, поскольку слушали они его с неослабевающим интересом. И тут он увидел ее. Даже через залу было видно, как он вздрогнул всем телом.

– Гармелинта, вдова Клемента Рубиса, – услышал я недалеко от себя. – Первый ее выход в свет за целый год. А уж как она его любила!

Судя по тому, что Рианель что-то спросил у одного из окружающих его почтенных жителей Энстада, указав на нее взглядом, он услышал то же самое.

«В тяжелое положение попал мой навигатор, – размышлял я, глядя, однако, на то, как Николь кружится в танце с очередным кавалером, который мне категорически не понравился. Его улыбочки показались мне какими-то двусмысленными, а сам он выглядел хлыщом. – Женщину, носящую траур, не пригласишь на танец. И Брендосу, с его воспитанием, сказать ей комплимент даже в голову не придет. Да и у нее самой такой вид, будто эта дама сделала кому-то большое одолжение, поддавшись на уговоры и прибыв сюда».

Так оно все и сложилось: Рианель вздыхал где-то в сторонке, не решаясь к Гармелинте подойти, а я удивлялся тому, что он, оказывается, может быть и таким. Ну а Николь продолжала танцевать, вероятно, твердо решив не отказывать ни одному пригласившему ему кавалеру.

Вечер закончился далеко за полночь. Хозяин дома любезно предложил нам занять гостевые комнаты, поскольку поле, на котором садятся летучие корабли, находилось довольно далеко от города, и мы не менее любезно приняли его приглашение.

– Тебе не понравился вечер? Ты вообще вел себя как бука – ни разу со мной не потанцевал! – заявила мне Николь, после того как мы остались наедине.

– Интересно, а как бы мне это удалось? – удивление мое было искренним. – По-моему, там целая очередь выстроилась, чтобы поддержать тебя за талию, а возможно и не только за нее. И вообще, ты могла бы вести себя приличнее.

Ну да, я был на нее зол. Вообще-то, в моем представлении, Николь должна была всем своим видом показывать, что прибыла на вечер не одна, что безумно в меня влюблена, и отшивать всех желающих с ней потанцевать еще на подходе.

Девушка, в ответ на мои слова фыркнула: не дожدهшься, мол, от меня ни малейшего раскаяния. И вообще, случись все заново, ничего бы не изменилось.

– Так потанцевал бы с другой. Была там одна дама, чем-то похожая на леди Эйленору, например с ней. Или с той, что выглядит вылитой как ее... Роккуэль.

Николь стояла ко мне спиной, перед зеркалом, и в его отражении я успел заметить ее взгляд, далеко не самый ласковый.

«Она знает о Роккуэль! – молнией не молнией, но догадка меня озарила. – Эйленора давно для нее не секрет, но откуда она узнала о Роккуэль?! Не иначе, Мирра ей рассказала. Самой Мирре мог поведать только Энди, больше никому, – выстраивал я логическую цепочку. – Она из него веревки вьет, любой длины и диаметра. Только он однажды видел, как Роккуэль пришла ночью в мою каюту.»

– Ну и что ты молчишь?

«Ну а что я могу сказать? Заявить, что знать не знаю никакую Роккуэль и все это наговоры? Так не получится – Роккуэль была нашей пассажиркой целую неделю. Только ведь все дело в том, что случилось это, когда я совершенно был уверен, что потерял Николь навсегда. Что ж, теперь мне точно известно: в моей команде завелся какой-то негодяй. Теперь становится понятным и поведение самой Николь: она хотела, чтобы я ее ревновал, и это ей удалось отлично».

– Так ты мне все же что-нибудь скажешь?

Нет у меня слов, Николь, но зато есть другой способ увильнуть от неприятного разговора. Надежный проверенный способ, он и сейчас должен сработать...

На следующий день мы проснулись поздно, и, зайдя в комнату, отведенную Брендосу, я и обнаружил его в компании разнокалиберных бутылок, среди которых не нашлось ни одной не распечатанной. Вечером того же дня, наблюдая за тем, как Рианель провожает взглядом растворяющийся вдали остров Энстад, я думал о том, что сейчас мой навигатор мало напоминает того человека, которым я привык видеть его всегда – холодного и малоэмоционального – столько в его глазах было тоски.

* * *

– Можно начинать, – взглянув на алеющую восточную часть горизонта, я взмахнул рукой. – Хотя нет, подождите. Энди! – мой окрик был адресован застывшему на палубе у кабестана Ансельму. – Давай-ка еще пол-оборота влево, на спуск.

Не хотелось, но все же мне не удалось сдержать раздражения в голосе.

После нашего с Николь ночного разговора, мое отношение к Ансельму изменилось: что он, не мог промолчать? Обязательно было выкладывать Мирре то, что его не касается? Мирра – женщина, какие к ней могут быть вопросы, но сам-то он о чем думал?

Конечно же, Энди уловил оттенок раздражения в моем голосе, и потому, прежде чем повернуть кабестан, бросил на меня недоуменный взгляд: «Как будто я ни в чем не провинился?»

– Пол-оборота, Ансельм, – сейчас я ему отсюда, с мостика кричать начну, в чем причина. На смех всех остальным.

«Небесный странник», зависший над водами Кораллового моря, плавно пошел вниз. «Так оно будет лучше, – выглянул я за борт. – Падать теперь всего ничего. Хотя, если что-то пойдет не так, нам придется не падать, а разлетаться во все стороны вместе с обломками корабля».

Берни Аднер наконец-то закончил все приготовления для испытания своего нового устройства, которое позволяет управлять кораблем в небе без помощи парусов. Такие

попытки предпринимались задолго до Аднера, но все они заканчивались одинаково плачевно: заключенная в л'хассах сила вырывалась наружу, разнося корабли в пыль.

По уверениям Аднера, он все рассчитал верно, но сомнения все же оставались. К слову, не у меня одного, и потому на палубе собралась вся команда. Кроме господина Кайля, который и не подозревал ни о возможной опасности, ни о самом устройстве. Неблагодарно, наверное, подвергать риску человека, не предупредив его, но тому есть две уважительные причины.

Во-первых, времени у нас нет, а во-вторых, незачем ему знать об этом устройстве, пусть оно будет неожиданностью для всех.

– Приступим, Аднер, – обратился я к нашему ученому-изобретателю.

И время тянуть смысла нет, и Кайль, против своего обыкновения валяться в постели до самого обеда, мог объявиться на палубе.

– Есть, капитан! – откликнулся Аднер.

Несмотря на его довольно бравый тон, было заметно, что Берни волнуется.

Еще бы, ведь так много зависит от того, как пройдут испытания. Пусть пока мы вынуждены скрывать от всех его изобретение, но ведь так будет далеко не всегда. Пройдет немного времени, и все корабли в небе начнут обходиться без парусов, не зависеть ни от силы или отсутствия ветра, ни от его направления. Его имя прогремит по всем обитаемым землям, а его изобретение принесет ему славу и состояние. И для всего этого необходимы сущие мелочи: чтобы «Небесный странник» в мгновение ока не превратился в быстро разносимое ветром облако пыли. Или, по крайней мере, не рухнул с той высоты, на которой мы сейчас находились.

Управление приводами представляло собой два металлических рычага: один из них дублировал на мостике кабестан, служащий для изменения высоты полета, второй подключал тот привод, который приводил корабль в движение без помощи парусов. И вот теперь мы собрались испытать третий, тот, что давал возможность управлять кораблем, когда он движется без помощи парусов. Берни соединил его со штурвалом, и теперь, по его словам, «Небесный странник» должен одинаково легко слушаться руля, что при парусах, что без них.

– Уверю вас, капитан, – убеждал меня Аднер, – теперь корабль станет намного более маневренным.

«Ну что ж, посмотрим, – подумал я, берясь за тот из рычагов, который давал ход кораблю. – И сохранит нас Богиня-Мать!»

Подмигнул Мирре, смотревшей на нас с явной опаской. Ласково улыбнулся Николь, получив ответную улыбку, и плавно надавил на рычаг. «Небесный странник» вздрогнул всем корпусом, после чего начал медленно набирать ход.

Некоторое время все мы стояли, затаив дыхание. Но корабль не собирался ни падать вниз, ни тем более превращаться в облако пыли.

– Гвен, возьми-ка немного вправо, – обратился я к Гвенаэлю Джори.

Тот крутнул штурвалом, и корабль пошел в правую сторону.

– А теперь влево.

И снова корабль подчинился штурвалу без малейшего сопротивления. Мы с навигатором Брендосом многозначительно переглянулись: на таком малом ходу под парусом летучие корабли абсолютно неуправляемы. Новое устройство дает большое преимущество, например, при заходе на посадку там, где сложные условия местности или погоды.

Я двинул рукоять вперед более решительно, и корабль пошел так, как будто он был под полными парусами свежего ветра. Затем подал команду Гвенаэлю на штурвал, чтобы тот заставил «Небесный странник» рыскать по курсу. Окончательно осмелев, распорядился сделать полную циркуляцию сначала в одну, а затем и в другую сторону. Добавил хода еще,

увеличил высоту, снизил корабль, затем убрал тягу на л'хассы так, что он едва полз. Корабль слушался руля беспрекословно.

И уже совершенно ничего не опасаясь, я дал полный ход, причем так резко, что все мы едва смогли удержаться на ногах, ухватившись кто за что. Мирра испуганно ойкнула, а в камбузе что-то зашипело, после чего из иллюминатора пошел пар. Корабельный повар Амбруаз Эмметт, или как мы его иногда называем после одной истории Пустынный лев, вместе со всеми присутствующий на палубе, опрометью метнулся в свои владения, что-то бормоча себе под нос. А «Небесный странник» продолжал нестись высоко над волнами, легко повинувшись малейшим движениям руля. Душа пела, и я был готов Берни Аднера расцеловать.

«Целовать его, я положим, не буду – у меня для этого Николь есть, но золотых ноблей отсыплю полной мерой, – размышлял я. – Сразу после того, как эти меры у меня самого появятся. Но и сейчас я его без благодарности не оставлю».

– Господин Аднер, – начал я, взяв его за плечи и глядя в глаза. – Я благодарен самому Создателю за тот день, когда он привел вас на борт моего корабля. Думаю, недалек тот час, когда ваше имя прогремит по всему нашему герцогству и даже далеко за его пределами! Кроме того, я счастлив, что первым из таких кораблей, коими вскоре будут и все остальные, стал мой «Небесный странник»!

Подумав при этом: «А ведь я его в Дигране, едва не прогнал в шею, лишь только он озвучил, как мне показалось тогда, абсолютно бредовую идею».

Засмущавшись, Аднер забормотал:

– Что вы, что вы, капитан! Я тоже очень рад, что судьба свела меня именно с вами.

«Это что же получается, – размышлял я. – Благодаря этому чудесному устройству мне уже нет необходимости в такой большой команде. Так, и сколько человек я смогу уволить? Кок, естественно, необходим, тем более такой превосходный. Навигатор тоже, не могу же я сутками напролет не сходить с мостика. Родриг Брис – шкипер, боцман и плотник в одном лице, и без него не обойтись. Без Николь я никуда, и не только по той причине, что жизни без нее не представляю – она еще и замечательный лекарь. Энди Ансельм, пожалуй, тоже должен остаться: я его знаю едва ли не десяток лет, и при всех своих слабостях он замечательный человек. А значит, останется и Мирра. Гвенаэль Джори? Нет, что мы все будем делать без его шуток, прибауток, веселых историй? Со скуки сдохнем! И остается только Аделард Ламнерт. Вообще-то именно он на корабле человек самый бесполезный, если не принимать во внимание то, что как воин он всех остальных нас вместе взятых стоит. И жизнь он мне спасал, причем не один раз. Получается, не смогу я ни с кем из них расстаться. Ни сейчас, когда необходимо держать чудесное устройство в тайне, и потому они все нужны, ни потом, когда такая необходимость исчезнет».

Еще через полчаса выяснилось, что впадать в полную эйфорию бессмысленно: набрав определенную скорость, «Небесный странник» начинал вести себя так, как ведет морской корабль на крупной волне – раскачиваться с борта на борт, и с носа на корму. Но стоило только снизить ход, как все исчезало. Я с надеждой взглянул на Аднера, но тот только развел руками: «Капитан, увы, я не всесилен».

«Да ладно тебе, Берни, оправдываться, – подумал я. – Даже той скорости, что корабль может набрать без всяких последствий, вполне хватит, чтобы уйти от любого из преследующих нас кораблей».

И я уже не с такой тревогой оглядывал горизонт, пытаясь обнаружить в небе паруса кораблей Коллегии.

* * *

Каилюайль Фамагосечесийт по своему обыкновению показался из каюты только к обеду. Но к этому времени мы уже подняли парус, и летели по небу так, как летают по нему тысячи обычных кораблей.

– Добрый день, Люкануэль, – поздоровался он со мной, поднявшись на мостик. И сразу же, не дожидаясь ответного приветствия, указал куда-то вниз по правому борту: – Вон она, Энстадская бездна. Помните, я вам вчера о ней рассказывал? Видите то темное пятно?

Действительно, вода в одном месте имела темный, почти черный цвет – такой она и кажется сверху, когда глубина очень большая. Как же, помню, отчего нет, он даже какую-то легенду рассказывал, о том, как именно она образовалась. Но я почти не слушал, и потому только понял – что-то там связано с гневом Создателя. Все как обычно: девять из десяти произошедших на земле катаклизмов связаны именно с ним. Да и что энстадская бездна? Стоит взглянуть в глаза Рианелю Брендосу, чтобы увидеть другую бездну, значительно более глубокую – бездну тоски. Особенно когда он бросает взгляд за корму, в ту сторону, где остался остров Энстад.

Глава 2

Прибытие в Монтосел

Погода благоприятствовала все дни полета к Островам. Вообще-то на карте они обозначены как архипелаг Габстела – знаменитый путешественник Иоахим Габстел первым обогнул земной шар на летучем корабле «Улыбка фортуны», он-то и присвоил архипелагу свое имя. Но так уж сложилось, что все называют их именно Островами. Вытянутый с севера на юг архипелаг насчитывает более десятка островов, и практически все они именуется каким-либо оттенком цветов. Например, тот, который нам нужен, носит имя Багряный. Есть еще Амарантовый, Пюсовый, Лазурный, Кармин и так далее. И только самый северный остров, сплошь гористый – Анхейм.

Один мой недавний знакомый, которого я могу назвать другом, носящий имя своего славного предка, рассказал мне сохранившуюся в семейных преданиях историю, почему так произошло.

– Был на борту «Улыбки фортуны» один художник, – рассказывал Иоахим. – Так вот, не поверишь – честь назвать эти острова он выиграл в кости. Художник и поименовал их всякими Селадонами и Маджентами. И только один из островов назвал Анхеймом. Наверное, названия цветов у него закончились, – смеялся Иоахим.

О новейшей истории архипелага мы узнавали от господина Фамагосечесийта, неоднократно бывавшего там.

– Видите во-он там далекие пики гор? Так вот, это и есть остров Анхейм. На нем единственное поселение. И все из-за того, что на острове нет ни единого источника пресной воды, – рассказывал он, искоса поглядывая на палубу, где о чем-то разговаривали Николь и Мирра.

– Так что, им туда воду для питья привозят? – без особого интереса справился я.

– Нет, – жизнерадостно ответил Кайль. На мой взгляд, чересчур жизнерадостно, или я просто уже устал от его постоянного общества – большую часть времени, не занятую сном, он проводил на мостике, докучая мне пустопорожними разговорами. В то время, когда вахту нес навигатор Брендос, Кайль появлялся там значительно реже. – У них там есть один работающий механизм Древних, из тех, что из морской воды делают пресную, этим и спасаются. Установка небольшая, и потому на Анхейме всегда определенное количество людей, не более того, иначе воды на всех попросту не хватит.

– А что же они вообще там делают?

– На Анхейме единственный на все Острова рудник с железной рудой. Рудник весьма небогатый, так что вы сами должны понимать, как ценятся здесь изделия из стали, – и Кайль слегка топнул по палубе.

Безусловно, понимаю – весь груз «Небесного странника» и состоит из таких вот стальных изделий. Торговец в очередной раз взглянул на девушек.

«И чего это он все время на них пялится? И ведь явно же не на Мирру, в сравнении с Николь выглядящую очень и очень бледно».

Сама же Мирра с некоторой озабоченностью во взоре частенько поглядывала на Энди, несшего вахту у единственной мачты «Небесного странника». Вот с этим как раз все понятно: паури – аборигены, ведущие почти дикарский образ жизни, славятся не только своим миролюбием и добродушием, но и весьма свободными нравами. И особенно это относится к паурянкам.

Помнятся мне рассказы тех, кто побывал на островах архипелага, иные от восторга едва ли не захлебывались. Отсюда и беспокойство Мирры: как себя поведет ее Энди?

Вообще-то и Николь должна на меня поглядывать, ее что, такие вещи совсем не волнуют? Или она так в себе уверена? Либо же ей безразлично? Мне даже немного грустно стало.

– Вы, наверное, обратили внимание, Люкануэль, – продолжил свой рассказ Кайль, – на форму островов.

На что я кивнул: обратил, еще как обратил.

– Согласитесь, создается такое впечатление, что, если острова сдвинуть вплотную друг к другу, они создадут единое целое, как будто они им и были когда-то.

И действительно, глядя на карту, на извилистые береговые очертания, так и хочется вырезать их всех по контурам, а затем сложить. Уверен, между ними не окажется ни малейшего просвета.

– Но самое удивительное в том, что проливы между островами очень и очень глубокие. Удивительно, если вспомнить глубину Кораллового моря.

После этих слов Кайль взглянул за борт, где действительно дно просматривалось в мельчайших деталях – там, где оно вообще существовало, потому что под нами проплывали бесчисленные атоллы, мели, выступающие из воды камни, скалы и крошечные островки с одинокими пальмами на них.

– И что по этому поводу говорят ученые? – спросил я только для того, чтобы что-то сказать.

– Ученые? А шут их знает, что они говорят, – пожал плечами Кайль. – Ни разу не приходилось с ними общаться.

«Так уж и ни разу? Один из них даже на борту „Небесного странника“ имеется – Берни Аднер. Причем самый настоящий, не из тех, что только и занимаются тем, что пишут мудреные книги, где через слово не понятно», – подумал я, но промолчал, глядя на то, как на мостик поднимается Николь.

– Вы сегодня выглядите особенно замечательно, – Кайль едва не расшаркался перед девушкой.

– Спасибо, господин Фамагосечесийт. Очень приятно это услышать от такого мужчины, как вы, – улыбнулась ему Николь.

А мне почему-то захотелось отправить этого господина, чье полное имя удастся выговорить только через раз, если уж не за борт, так на палубу, настолько мне не понравилась адресованная ему улыбка Николь. Надо же, а он-то как расцвел, как будто внезапно оказался наследником очень богатого родственника, о существовании которого и не предполагал.

– Люк, мне необходимо с тобой поговорить, – сказала Николь после того, как Кайль все же спустился на палубу.

Мы отошли на самый край мостика, подальше от стоявшего за штурвалом Гвенаэля. Некоторое время помолчали, любясь кипенно-белыми заснеженными вершинами гор острова Анхейма, особенно красиво смотревшимися на фоне лазурной глади моря. Мне и в голову не приходило, о чем хочет поговорить со мной Николь, но судя по ее решительному виду, разговор не сулил мне ничего хорошего. Наконец, она сказала:

– Люк, предупреждаю тебя сразу: если ты будешь глазеть на этих... – тут она на мгновение замолчала, очевидно, подбирая подходящий эпитет «этим», – в общем, девиц... Или, не приведи Создатель...

И тут же, оборвав себя на полуслове, произнесла с явной обидой:

– Ну и чего ты улыбаешься такой довольной улыбкой?

«Ну как тут не улыбаться, милая? – думал я, нежно привлекая ее к себе. – Я уж бог весть что успел подумать. Даже то, что вдруг стал тебе совсем безразличен».

Провожая ее стройную фигурку взглядом, я думал о том, что все для нас всех здесь, на Островах, должно сложиться хорошо. И если это будет действительно так, мы останемся на них надолго. А почему бы и нет? Климат здесь благословенный, войн отродясь не бывало, а

работы для «Небесного странника» должно быть достаточно. Не думаю, что здесь их слишком уж много, летучих кораблей, а значит, предложения о найме посыплются один за другим. И самое главное: Коллегия, здесь, на Островах, абсолютно не имеет никакой силы. Конечно, все может измениться в одночасье, но пока мне беспокоиться не о чем.

– Капитан, взгляните, – оторвал меня от размышлений голос навигатора Брендоса.

Я принял из его рук зрительную трубу Древних – одну из тех чудесных вещей, что достались нам в наследство от людей, живших за тысячелетия до нас. Таких сейчас не делают, и вряд ли научатся делать в ближайшие века. Труба была моим подарком ему, и чего уж тут, несколько раз я пожалел, что не оставил ее себе, слишком высокой ценой она мне досталась. Зрительные трубы очень редко попадаются в древних руинах, а уж такая, обладающая способностью видеть сквозь ночную мглу, и вообще одна на тысячу, если не реже. И хотя навигатор Брендос держал ее постоянно на мостике, не унося с собой по окончании вахты, все-таки хозяином был он.

Сейчас, среди бела дня, ее удивительная способность не требовалась, и потому я просто приложил ее к глазам. Уже недалекий остров Багряный, на котором и располагался необходимый нам город Монтосел, приблизился настолько резко, что, будь я к такому непривычен, непременно бы вздрогнул. Бухта, в глубине которой и расположился Монтосел, выдавалась мысами далеко в Коралловое море. В ней самой виднелось несколько мелких корабликов – не летучих, конечно, те не могут садиться на воду, им подавай ровное поле без всяких камней или пеньков, которые при посадке могут продавить корпус от веса корабля.

В Монтоселе взлетное поле, как и обычно, находилось в стороне от самого города, и в трубу Древних просматривалось хорошо.

Поле было почти пустынным, и на нем виднелся лишь одинокий двухмачтовый корабль. Имелось и еще несколько одномачтовых, но они как раз меня и не интересовали, слишком мелки. Двухмачтовый – другое дело. Если Коллегия, несмотря на все мои соображения, все же выслала за нами погоню, то она давно уже должна быть здесь: «Небесный странник» – кораблик не самый ходкий, да и на Энстаде мы задержались.

«Был не самым ходким, – поправил себя я. – Но теперь, с устройством Аднера по скорости в небе ему равных нет. Только надолго ли? Такие вещи долго в тайне не сохранишь».

– Нет, господин Брендос, этот корабль Коллегии не принадлежит. По крайней мере, именно такого среди ее кораблей я не видел.

Мне смело можно об этом судить: восемь долгих лет я прослужил на принадлежащих ей кораблях. И все же сомнения оставались, куда от этого деться? Возможно, я видел их не все, но может быть и такой вариант, что Коллегия отправила в погоню чужой корабль.

За спиной послышались шаги. Это Кайль в очередной раз решил осчастливить нас своим появлением на мостике. Он смерил расстояние до берега.

– Вероятно, к вечеру мы прибудем в Монтосел.

В общем-то да, если не принять во внимание одно обстоятельство. Я расслабил зрение и сквозь полуприкрытые веки посмотрел на небо перед нами.

– Гвен, подверни-ка с четверть румба вправо.

Услышав от штурвального: «Есть, капитан!», командовал уже громче, чтобы услышали на палубе:

– Энди! Пол-оборота на подъем!

– Есть, капитан! – донеслось уже оттуда.

Это и есть одни из моих двух даров – дар видеть ветер, вернее, воздушные потоки в нем. И если мы поднимемся в небо чуть выше, уйдя немного влево, то попадем в отличный воздушный поток, чем сэкономим несколько часов. К сожалению, существует вероятность того, что через некоторое время он распадется, но ведь в небе он далеко не единственный, и уж кому, как не мне, об этом знать.

«Небесный странник», войдя в поток, вздрогнул, скрипнул, переваливаясь с борта на борт, и значительно прибавил в скорости.

* * *

Вблизи острова, да и в самой бухте, на берегу которой расположен Монтосел, море приобрело темный, почти черный цвет – глубина резко увеличилась, но, вспомнив рассказ Кайля, удивляться я не стал.

– Командуйте, Брендос, – передал я управление кораблем навигатору.

– Хорошо, господин капитан, – отозвался тот, и сразу же, чтобы дать понять остальным – кто сейчас главный, крикнул: – На палубе! Приготовиться к маневрам.

После чего обратился уже ко мне:

– Куда будем сажать корабль, капитан?

Вопрос резонный. То, что именно на посадочном поле, понятно и без слов. Но в Монтоселе оно оказалось непривычно больших размеров.

– Прямо по центру и сажайте.

Бывают ухари, что умудряются посадить корабль чуть ли не вплотную к обязательной на всех полях таверне: сойдешь с корабля, и тебе остается сделать всего лишь несколько шагов, чтобы открыть в нее дверь. Но нам лучше все же приземлить «Небесный странник» посередине. И не потому, что я сомневаюсь в способностях моего навигатора, здесь другое: остальные корабли нашли себе место на самых краях поля, так что посади мы «Небесный странник» по центру, вокруг нас окажется достаточно много свободного пространства, чтобы вовремя увидеть спешащих к нам не с самыми добрыми намерениями вооруженных людей.

Попутный ветер посадке благоприятствовал, но на всякий случай я переместился ближе к рычагам устройства Аднера.

Трудности при посадке возникают иногда как будто из ниоткуда. Поднять корабль в небо – да, пара пустяков: крути кабестан в правую сторону, а в нашем случае потяни рычаг на себя. При посадке же необходимо учитывать множество факторов, и прежде всего скорость корабля.

Все дело именно в л'хассах, вернее, в их подъемной силе, а еще вернее, в ее особенностях. Например, на малой высоте корабль не сдвинуть с места даже парусам, полным свежего ветра – слишком велика его связь с землей. И для того, чтобы набрать ход, необходимо подняться выше. Но не до бесконечности, потому что наступает момент, когда связь с землей будет настолько мизерной, что корабль становится игрушкой ветров и управлять им невозможно. Да и холодно там, наверху.

Так вот, вся сложность при посадке заключается в том, что над предполагаемым местом необходимо оказаться практически уже без хода. И тогда крути кабестан в левую сторону и садись. Иначе, если не погасить скорость, но уже пытаться снизиться, в л'хассах создается такое напряжение, что они разрушаются.

В лучшем случае камни рассыплются горсткой серой пыли, но может произойти и так, что по ним пойдут трещины и заключенная в них сила разнесет корабль в ту же самую пыль, только ее будет значительно больше.

Поэтому все поля расположены на окраинах городов, а над многими городами пролетать вообще запрещено. Устройство же Аднера позволяет идти над самой землей, причем без помощи парусов, и ни какого напряжения в л'хассах не создается.

– Все дело в том, что силы не пересекаются, – туманно объяснял Аднер.